

МУЛЯЖ

– Прости, любимый, – радостно выдохнула Настя прямо с порога. – Я опоздала!

Свен, уютно укутавшийся в плед, поднял от смартфона удивленный взгляд, потом, словно очнувшись, растянул лицо в улыбке, кивнул: «Да всё в порядке», после чего почесал нос и продолжил чтение.

«Хм», – хмыкнула Настя. Подобное приветствие ее определенно не устраивало. Она повесила на дверцу гардероба мокрый зеленый дождевик и решительно прошла в центр комнаты:

– Ты меня даже не поцелуешь?! Не знаю, как ты, а я, вот, соскучилась...

По-прежнему улыбаясь, она всей своей позой изобразила крайнюю обиду, выпятив нижнюю губу и уперев руки в боки. Свен вновь взглянул на нее, на сей раз уже несколько встревоженно, и, не особо понимая, что происходит, с кряхтением поднялся, с пледом точно в тоге, прошел к девушке, чмокнул ее во влажный лоб – и вернулся обратно на диван.

– Спасибо, любимый...

– На улице дождь? – вяло поинтересовался он.

– Да, – ответила Настя, – там дождь. Потому и опоздала. Спасибо, что спросил. Ты – просто прелесть.

Увы, Свен, что-то листавший на экране смартфона, никак не отреагировал на иронию в ее голосе. Девушка вздохнула – втайне она надеялась, что молодой человек сам начнет расспрашивать о том, как прошел ее день, как дела на работе, или, по крайней мере, отметит новую прическу. Что угодно, с чего можно было бы начать непринужденный диалог. Но напрасно. Совершенно напрасно.

Настя переборолла себя и, отправившись к холодильнику, принялась весело щебетать:

– Так забавно сейчас было! Я ж на такси добиралась, ну, не хотела, чтобы ты меня долго ждал тут, волновался, а водитель, представляешь, оказался очаровательной девушкой с золотыми волосами, вся такая изящная, я прям обзавидовалась, пока ее сзади разглядывала! И почему такие девушки в таксисты идут?!

Она открыла холодильник и тут же, смутившись, поспешно его закрыла, после чего отшатнулась от собственного, слегка расплывшегося отражения в зеркальной поверхности.

– Мда, так вот, мы пока в пробке стояли – ужасные пробки, просто ужасные, да, всё из-за этой непогоды – она, водитель то есть, всё посматривала на свой телефон, прокручивала контакты, останавливаясь на каком-то Мартине и всё не решаясь его набрать. И так при каждой остановке, на каждом перекрестке – я даже собралась ее приободрить, чтоб, мол, позвонила, наконец, этому типу, а она всё-таки сама набрала – и после первого же гудка сбросила! Представляешь? Аж жалко ее стало, такую красавицу... Ну, Мартин этот буквально через квартал ей перезвонил, я уж думала – хэппи-энд, все дела, а она – ты слышишь? слышишь, что я рассказываю? – заявила ему, что это, видимо, случайно, телефон сам набрался в кармане. Сухо попрощалась с ним и повесила трубку.

– Угу, так бывает... это весьма занятно... то, что там... да... – промурлыкал Свен, не обернувшись и не закончив мысль, и было непонятно, относилось ли сказанное к ее монологу или к тому, что отображал экран его смартфона.

Заинтригованная, Настя легкой поступью перебежала к молодому человеку, опустилась рядом на диван и со всей нежностью, на какую была способна, прильнула к Свену – причем так, чтобы украдкой подсмотреть, выяснить, что же он там, в конце концов, так увлеченно изучает; он же, повинуясь скорее инстинкту, приобнял ее одной рукой и коротко прижал губы к ее лбу, правда, не отрывая взгляд от статьи о вреде тушеных овощей для пищеварения.

Девушка не поверила своим глазам. Она ожидала увидеть эротические фотосессии или, как минимум, профили соблазнительных незнакомок в социальных сетях или, например, новый эпизод сериала, который они до сих пор смотрели вместе, – чтобы можно было сейчас возмутиться и устроить сцену. Но от тушеных овощей ей стало невыносимо тоскливо. От этого веяло всем тем, чего она так боялась.

Продолжая лежать на жестком трехместном диване (спинка, три подушки нейтральных тонов, немаркая обивка, гладить в высоком температурном режиме), Настя оглядела интерьер гостиной, оформленной в техногенном стиле: светло-серые стены с репродукцией чересчур лаконичного морского пейзажа и маленьким каллиграфическим шедевром, излагающим избитый афоризм на тему зоны комфорта и заключенным, по иронии судьбы, в рамку под стекло. А также: овальный кофейный столик с аккуратной стопкой журналов мод и телепрограммой, пятью черными пультами аки скипетрами (и не угадать, какой от чего), вазой с фруктами (ананас, три банана, гроздь винограда), далее темно-серый, ворсистый ковер на ламинате, имитирующем паркет, и светло-серый модульный шкаф (ящики и дверцы закрываются плавно и бесшумно) с телевизором, стереосистемой и прочими жизненно необходимыми аксессуарами. В стороне – стеклянные навесные полки с фигуркой ухмыляющегося восточного бога, десятком книг и музыкальных дисков (малоизвестные представители разных направлений и эпох, расставленные по цвету) и набором текстильных, мал мала меньше, шкатулок (просто чудо какое-то, а не шкатулки, хотя и выглядят пустыми). Так, что еще, разумеется, второй, платяной шкаф, бежевый с алюминиевыми профилями (протирать мягкой влажной тканью, при необходимости использовать слабый мыльный раствор), четыре разностильные торшерные лампы, кажется, с сенсорным управлением, темный массивный обеденный стол, в тон ему три стула, а по обе стороны от входной двери – подозрительно матовая пальма в кадке и металлическая конструкция в виде сидящей собаки в собачий же рост. Кроме того, гардероб молочного цвета с изумрудной кляксой только что повешенного дождевика, и, наконец, уткнувшийся в угол, рабочий стол с кожаным креслом на колесах и контейнерами для бумаг, ноутбуком, канцтоварами, одинаковыми чертежами, упрямо прямыми линиями, углами, перпендикулярами, параллелями, параллелепипедами – ну, и ладно, пожалуй, хватит, просто поворачивать голову не хотелось, присматриваться, поскольку дальше была территория кухни с ее нестерпимо сверкающим хромом многочисленных, исключительно функциональных, а потому еще более скучных предметов обтекаемых форм.

Что ж, обстановка представляла собой концентрат совершенства, являясь четким показателем конкретного социального статуса, – люди, обитавшие здесь, очевидно добились всего или, как минимум, того, что хотели. Казалось бы, чего же боле? что можно было бы еще желать? Разве что квартиру попросторней, а в остальном это был идеальный мир, грамотно скомпонованный, продуманный до мелочей, без права на ошибку, за версту

излучающий чистоту и порядок – и насыщенный таким ясным неоновым светом, что ни в самом помещении, ни в личной жизни не осталось темных углов. Никуда не спрятаться.

Радовало лишь одно – отсутствие зеркал.

Настя опять вздохнула, на этот раз чуть громче, с легким стоном.

Но ничего не произошло.

Девушка высвободилась из-под равнодушной руки молодого человека, перекатилась на другой конец дивана и стала в задумчивости напевать популярную давным-давно песню: «'cause they are living in a material world – and I am a material girl...» И по-прежнему ничего не происходило – ни между молодыми людьми, ни в них самих, ни вокруг.

Тогда Настя, лежа на спине и напевая уже сквозь зубы, задрала ноги так, что опавшая юбка выставила исподнее на обозрение; девушка стала вращать ногами и руками, сгибать их и разгибать, не то пытаясь сбежать прочь на некоем невидимом и перевернутом летательном аппарате, не то всем своим телом подавая кому-то сигналы о помощи; вскоре расстегнула кофточку на груди и, тяжело дыша, схватила телепрограмму, чтобы ею обмахиваться, а затем так же бездумно стала подкидывать журналчик вверх – шелестящий, оставляющий на пальцах следы от свежей краски – и не особо ловко снова ловить его – под аккомпанемент песни, звучавшей всё более угрожающе: «You know that we are living in a material world – and I am...»

Спустя время Свен всё-таки обратил внимание на ее действия.

– Ты чем это занимаешься? – осторожно спросил он, наморщив лоб.

– Любимый, я создаю иллюзию счастливой жизни, – объяснила она.

– А, – отозвался он. – Ну, ладно... наверное...

Она приостановила свои акробатические номера и пристально посмотрела на собеседника:

– И, признаться, если ты этого еще не понял – то мне уже надоело.

– Что – надоело? – действительно не понял он.

– Создавать иллюзию. Притворяться.

– Когда это тебе успело надоест? – криво усмехнулся Свен. – Ты же только что пришла...

– Ты не понимаешь! – вскричала Настя.

– Ты, в самом деле, не понимаешь! – вскочила она с дивана.

– О, ты не хочешь меня понимать! – стала она заламывать руки посреди гостиной. – Нет, я так больше не могу, я не выдержу... вот это вот всё... ложь, фальшь... ты смотришь на меня как на чужую... Это из-за того, что я толстая, да? Признайся, я толстая? Да, согласна, я чуть поправилась в последнее время, и, тем не менее, это вовсе не повод... заводить другую... Ведь так, я права? У тебя другая, верно?

– Что ты несешь? – тихо спросил он. – Уймись, очень тебя прошу...

Однако девушку было не остановить.

– Что?! Испугался?! Ага! – зловеще захохотала она. – Правда глаза колет! Я так и знала, что ты мне изменяешь... козел...

Настя взволнованно забегала из угла в угол:

– И самое страшное, что это не самое страшное... Изменяешь мне налево и направо, да, ну и пусть, неважно, плевать... Могу и дальше себя уговаривать, что всё в порядке, притворяться, улыбаться... Но это же не жизнь, так неправильно, мы

обманываем себя и всех остальных! Ведь для тебя самое страшное – это, на самом деле, то, что скажут, что подумают другие!

– Слушай, ты разве не можешь тупо посидеть, помолчать? Как все нормальные люди? – изо всех сил сдерживая раздражение, процедил Свен. – Вон, возьми журнал почитай... или книжку...

– Книжку?! – взвизгнула она. – Книжку?! Да что здесь читать?!

Настя бросилась к полке с книгами, однако в последнюю секунду изменила траекторию и с грохотом извлекла из-за шкафа складную, ранее не замеченную коляску, которую стала возмущенно трясти в воздухе:

– Коляска, вот! Почему, а?! Почему здесь стоит эта коляска?! Разве у нас есть дети?! Откуда?! – Настя бросила жалобно звякнувшее устройство прямо посреди комнаты. – О чем говорить, если я даже не помню, когда мы в последний раз были близки?! Я вообще ничего не помню и не понимаю – почему мы всё еще вместе?! Что нас держит?! Быт?! Рутинка?! Уют?! Весь этот невероятно качественный, итальянский гарнитур?! Такая женщина, как я, достойна большего, гораздо большего, а здесь мне душно, будто заперта здесь, я задыхаюсь среди этих страшных стен, среди серой безличной мебели, – неужели ты не в состоянии осознать?! Я же стараюсь, придумываю, я всё делаю для нас, любимый, ради нас! И хочешь знать правду? Нет там снаружи никакого дождя! Вообще! Я специально дождевик прихватила, специально задержалась, водой побрызгалась, вот, из бутылки, здесь у меня в кармане! И историю про таксистку я придумала! Чтобы интересней было! Чувствуешь, насколько мне тоскливо?! А тебе всё равно! Но я ведь тоже человек, тоже жить хочу – по-настоящему! Полной грудью! Хочу переживаний, хочу прыгать и петь, хочу увлекательные беседы о театре, любви, хочу страсти в глазах, хочу ревность, ссоры и битую посуду, хочу старые обои и праздничный концерт по телевизору! Вот бабушка моя обычно в это время года варенье варила из абрикос – понимаешь?! Варенье! Из настоящих абрикос! А мы-то что...

– Ну, ты тоже можешь что-нибудь приготовить, – не очень уверенно предложил Свен.

– Ах, приготовить! – воскликнула девушка. – Я тебе сейчас приготовлю... варенье... обед... тушеные овощи...

Сначала в Свена полетели фрукты (пенопластовый ананас, три восковых банана, гроздь пластикового винограда), а когда он перепугано спрятался за диваном, Настя схватилась за журналы, за журналами полетели пульты управления, один, второй, третий, потом три подушки нейтральных тонов, затем книги с пустыми страницами, в порядке цветовой очередности обложек, красные, оранжевые, желтые, зеленые, каждый охотник желает знать, точно так же, как и музыкальные диски, регги, джаз, хип-хоп, классика, затем шкатулки, мал мала меньше, и в тот момент, когда девушка принялась срывать ценники с торшерных ламп, входная дверь распахнулась – и в комнату ворвался коренастый итальянец в костюме с галстуком.

– Ну, наконец-то! – облегченно простонал Свен уже откуда-то из-под стола. – А то ж безумие какое-то...

– Так, – мгновенно успокоившись, Настя попыталась остановить нежданного гостя. – Вы чем-то недовольны? Я всего-навсего добавила немного краски...

Впрочем, побагровевший мужичок вовсе не был настроен на дискуссию – захлебываясь от ярости, он схватил девушку за шиворот и стал быстро выталкивать ее из помещения взащей:

– Пошла вон! – шипел он с акцентом и оглядкой на зрителей. – Просто пошла вон! И ведь говорили мне, предупреждали – не связываться с русскими недо-актрисами! А всего-то и нужно было – несколько часов походить туда-сюда...

Подхватив по пути свой дождевик и покинув контейнер, притихшая Настя больше не желала никого слушать. Чао-какао! – с подчеркнутой невозмутимостью, со странной, застывшей улыбкой, она, дернув плечом, освободилась от цепкой хватки хозяина стенда и двинулась сквозь толпу жалеющих, недоумевающих, фотографирующих и откровенно глумящихся зевак, собравшихся у витрины, где бледный Свен (которого она в тот день, конечно же, видела впервые) остался за стеклом теперь уже в одиночестве, отыгрывая роль брошенного супруга.

Настя звонко шагала по огромному ангару мимо ярких плакатов и переливающихся экранов, мимо иных стендов и иных витрин, из которых на нее неодобрительно косились ее коллеги-статисты, в рамках рекламной акции оживлявшие своим присутствием выставленные на продажу интерьеры. Шла она по направлению к светлому квадрату выхода, который вдруг подернулся поволокой, задрожал и, потеряв четкие очертания, поплыл куда-то в сторону, – и девушке потребовались невероятные усилия, чтобы выбежать на улицу еще до того, как посетители мебельной ярмарки станут свидетелями ее пустяковых заячьих слез.